

Ладонь, коснувшаяся его руки, была такой нежной, что Шао Лиюй почувствовал, словно по сердцу скользнуло перышко. В его спокойной душе, доселе похожей на замершее озеро, пошли круги. Однако, взглянув на Тун Даоцзюня, он увидел, что тот лишь слегка кивнул в сторону группы бродячих нищих, указывая на нескольких человек.

Среди них были: мужчина средних лет с аккуратно причесанными волосами, полноватая женщина того же возраста, молодой человек со спутанными волосами, холодным выражением лица и слегка приволакивающий левую ногу, а также изможденная женщина с растрепанными космами.

Тун Даоцзюнь достал несколько аккуратно сложенных листков и произнес:

— Если вы готовы поставить здесь свои имена, то можете уйти отсюда вместе со мной.

Все присутствующие прекрасно понимали, что это за бумаги. Четверо переглянулись: в руках у Тун Даоцзюня были контракты о продаже в рабство. Стоило подписать их, как из нищих они превращались в рабов, навсегда лишаясь свободы.

Не успели они ответить, как множество других нищих попадали на колени, безостановочно кланяясь Тун Даоцзюню.

— Я согласен! Прощу, господин, возьмите меня!

Какая разница, стать рабом или нет, если это в любом случае лучше, чем побираться на улице?

— Я тоже согласен...

Шао Лиюй, чьи глаза на мгновение блеснули, подошел к Тун Даоцзюню и негромко сказал:

— Если тебе нужны люди, зачем искать их здесь? Завтра я пришлю тебе в поместье несколько человек.

Стоило ему это произнести, как четверо нищих, до того пребывавших в оцепенении, наконец пришли в движение. Первой отреагировала маленькая девочка: она опустилась на колени и поклонилась Тун Даоцзюню.

— Я готова поставить свое имя на этой бумаге, но не умею писать.

— Можно оставить отпечаток пальца, — уголки губ Тун Даоцзюня слегка приподнялись, и он протянул ей листок.

Девочка, словно боясь, что он передумает, прокусила палец и приложила его к бумаге. Вслед за ней то же самое проделали старик, женщина и хромой юноша.

Тун Даоцзюнь с улыбкой сложил контракты и бережно спрятал их. Затем он повернулся к мастеру боевых искусств, приставленному Шао Лиюем «охранять» поместье Цзинъаньского хоу:

— Будь добр, отведи их и помоги привести себя в порядок.

Когда этого мастера отправили в поместье, Шао Лиюй приказал ему относиться к Тун Даоцзюню как к господину. Поэтому, услышав просьбу, мастер почтительно поклонился и увел людей.

Тун Даоцзюнь посмотрел на оставшихся нищих, в глазах которых читалось разочарование, и бросил:

— А что касается вас...

Нищие, уже решившие, что их не выбрали, внезапно просияли.

— ...то ими займешься ты, — Тун Даоцзюнь ткнул пальцем в грудь Шао Лиюя.

Этот мужчина был достаточно умен, чтобы с полуслова понять его намерения.

Шао Лиюй перехватил его тонкий палец, упирившийся в грудь, и ответил:

— Раз господин Цзянь их дарит, я, разумеется, приму.

Он подал знак стражникам, стоявшим неподалеку. Те кивнули и удалились выполнять приказ.

Двое мужчин, держащихся за руки на виду у всех — что за непристойность? Тун Даоцзюнь ловким движением вывернул ладонь, высвобождаясь, а затем сам крепко сжал широкую, теплую и мозолистую руку Шао Лиюя.

— Пойдем со мной.

Шао Лиюй не стал сопротивляться и позволил Тун Даоцзюню увести себя. Сопровождавшие их стражники последовали было следом, но по знаку Шао Лиюя остались на почтительном расстоянии.

Тун Даоцзюнь, разумеется, заметил этот жест. Уголки его губ дрогнули, и он внезапно втолкнул своего спутника в узкий переулок, прижав к стене.

Они стояли лицом к лицу, их тела соприкасались, дыхание смешивалось. Тун Даоцзюнь одной рукой уперся в стену за спиной Шао Лиюя. Несмотря на то, что он был на полголовы ниже, его власть ничуть не уступала спутнику.

— Я скучал по тебе... — Шао Лиюй опустил взгляд, в котором отражался лишь человек, стоящий прямо перед ним.

Тун Даоцзюнь не ответил. Его узкие глаза феникса слегка прищурились, наполнившись манящим очарованием, и он, чуть приоткрыв бледные губы, накрыл ими губы Шао Лиюя.

Шао Лиюй охотно ответил на поцелуй, позволяя Тун Даоцзюню брать инициативу в свои руки. Их языки сплелись, и в этот момент они стали единым целым. Это был самый искренний ответ, который Тун Даоцзюнь мог ему дать.

...

С тех пор как госпожа Жун, супруга Цзинъаньского хоу, скончалась, Цзянь Чуцин совершенно охладел к сыну, рожденному от нее. Он даже не стал спрашивать, зачем тот привел в дом четырех слуг.

Тун Даоцзюню только это и было нужно. Старика-нищего звали Чэнь Тайбо, он был добродушным и честным; полная женщина — Хэ Фэнцай; хромой юноша — Чжань Шань; а маленькую девочку звали Сяохэ.

Тун Даоцзюнь осмотрел четверку, уже приведенную в порядок, и, остановив взгляд на Сяохэ, произнес:

— Разве Сяохэ — это имя? Отныне будешь Чуньхэ.

Чуньхэ — так звали знаменитую куртизанку, чья красота славилась по всей столице. Он хотел, чтобы девочка унаследовала это имя.

Затем Тун Даоцзюнь распределил обязанности: Чэнь Тайбо стал управляющим внутренним двором, Чжань Шань — личным слугой (правда, сначала нужно было найти лекаря, чтобы вылечить его ногу — по данным V587, ткани еще не отмерли, и шанс на полное исцеление был), Хэ Фэнцай с ее крутым нравом и кулинарным талантом взяла на себя кухню и помощь в управлении, а Чуньхэ стала горничной на переднем дворе.

Вскоре после того, как Шуй Чжуся с сыном поселились в поместье, они под разными предложениями выставили вон всех молодых и красивых служанок. Оставшиеся девушки отличались заурядной внешностью, и цель этого была очевидна: они боялись, что Цзянь Чуцин увлечется кем-то помоложе.

Очевидно, Шуй Чжуся сама понимала, что ее положение в сердце Цзянь Чуцина не так уж прочно.

Хе, именно этой непрочности он и добивался.

Чуньхэ, только что вышедшая из среды нищих, даже после умывания выглядела изможденной и некрасивой, поэтому Шуй Чжуся и Цзянь Цзяньжэнь не видели в ней угрозы. Поскольку ее привел Цзянь Хуншу, они лишь презирали ее, постоянно избивая и помыкая, но выгонять из поместья не спешили. В их глазах она была лишь уродливой и глупой прислугой, годной только на то, чтобы подавать чай и воду.

Видя, как Чуньхэ стоит перед ним, прижимая ладони к распухшей щеке, которую ударила Шуй Чжуся за то, что «чай был слишком горячим», и глядя в ее полные слез миндалевидные глаза, Тун Даоцзюнь едва заметно прищурился. В ее взгляде, помимо обиды, он увидел нечто большее — горечь и ненависть.

Именно так. Чем сильнее обида, тем больше желание сопротивляться. Чем глубже ненависть, тем ожесточеннее будет ее будущая схватка с Шуй Чжуся.

— Чуньхэ, ты хорошая девочка. Трудолюбивая и терпеливая. Но тебе нужно учиться, чтобы никто не мог придраться к твоей работе, тогда и наказаний станет меньше.

Чуньхэ посмотрела на него с недоумением. Учиться? У кого?

— Не у матушки Хэ же на кухне стряпне учиться. Учиться нужно у тех, кто лучше всех в поместье прислуживает и больше всех любим хозяином, — многозначительно произнес Тун Даоцзюнь.

Глаза Чуньхэ вспыхнули. Она возбужденно поклонилась:

— Благодарю, молодой господин, я поняла.

Ведь лучше всех прислуживала и больше всех была обласкана вниманием господина та самая госпожа Шуй, живущая в Западном саду. Как нежно и заботливо хоу относился к ней — это вызывало лишь зависть.

— Ц-ц-ц, а девчонка-то полна решимости, — заметил V587.

— Иначе как мне наблюдать за представлением с другого берега? — Тун Даоцзюнь слегка улыбнулся.

Что толку от красоты Шуй Чжуся? Ей уже за тридцать, лучшие годы позади. Разве может она сравниться с юной, нежной, словно бутон, девушкой?

В поместье Чуньхэ хорошо кормили, а Тун Даоцзюнь время от времени подкармливал ее питательными супами, приготовленными матушкой Хэ, — то, что не съедали они сами, доставалось слугам. Через пару месяцев она расцветет, и тогда придет время подтолкнуть ее к действиям.

От этой мысли улыбка Тун Даоцзюня стала еще шире.

Шао Цзисюн чувствовал, что в последнее время его преследует полоса неудач.

Цзянь Хуншу, который должен был восхищаться им, постоянно ускользал из поместья Цзинъаньского хоу. Для реализации великих планов ему была необходима поддержка хоу. Ему нужно было обожание Цзянь Хуншу и его лицо. Хотя нынешний хоу был далек от воинской доблести своего отца, пока он носил этот титул, он контролировал войска Севера, а у Цзянь Хуншу была внешность, способная свести с ума любого.

Но Шао Лиюй был настоящим чудовищем. Ему мало было красоты, ему подавай еще и выдающийся талант, иначе он и смотреть не станет. Сколько бы шпионов Шао Цзисюн ни пытался внедрить под видом учителей, всех их выставляли вон.

Поэтому, увидев Цзянь Хуншу впервые, он придумал план. Раз Шао Лиюй любит талантливых красавцев, то кто сравнится с Цзянь Хуншу? Он подстроил кражу кошелька, а когда хозяин таверны собрался избить его за неуплату, вовремя вмешался и подружился с ним.

С таким трудом он добился расположения Цзянь Хуншу, планируя в нужный момент убедить его выйти замуж за Шао Лиюя и стать его тайным союзником, но теперь...

От ярости у Шао Цзисюна перехватило дыхание. Мало того, что он не мог найти Цзянь Хуншу, так еще сегодня утром на утреннем докладе его обвинили в создании тайных группировок. Император пришел в ярость и приказал запереть его во дворце, заставив пятьсот раз переписать десятую главу «Наставлений о бдительности». А его мать, попытавшуюся просить за него, выставили из кабинета, и теперь она была под домашним арестом в собственном дворце.

Проклятье!

Шао Цзисюн так сжал кисть, что та с хрустом переломилась пополам.

...

— Ха-ха...

Тун Даоцзюнь, лениво гревшийся на солнце в шезлонге, внезапно рассмеялся, напугав матушку Хэ, которая принесла ему свежий сладкий суп.

— Молодой господин, с вами все в порядке? Суп не пришелся по вкусу?

— Нет, суп отличный. Иди, матушка, не беспокойся обо мне, — Тун Даоцзюнь, не переставая улыбаться, махнул ей рукой.

V587 только что передал новость о том, что император запер Шао Цзисюна во дворце за наказание. Он не мог сдержать смех.

Последнее время Шао Цзисюн изрядно действовал ему на нервы, постоянно ошиваясь у ворот поместья, из-за чего Тун Даоцзюню приходилось каждый раз перелезать через стену. Очевидно, это раздражало и Шао Лиюя, который приказал своим людям в правительстве подать на принца жалобу. Старый император государства Даюй был умен и трудолюбив; хотя он и баловал императрицу, но тайные интриги сыновей с чиновниками терпеть не собирался. Наказание было еще мягким.

Пока Шао Цзисюн сидел взаперти, это было выгодно и ему, и Шао Лиюю.

Подумав об этом, он отправился в кабинет, а через мгновение вышел, держа сложенный листок, и помахал им в сторону дерева. С ветки спрыгнула тень — это был Инь-эр, мастер, приставленный охранять его.

— Передай это своему господину.

— Слушаюсь.

Инь-эр принял записку, бережно убрал ее и исчез, словно растворился в воздухе.

— И вправду, мастерство легкости у этого охранника на высоте, — вздохнул Тун Даоцзюнь.

— О, хозяин тоже хочет стать мастером? Это просто. В следующем мире я сделаю вас супермастером, летающим по ветру, — искренне пообещал V587.

— Какой ты заботливый, я просто в восторге, — Тун Даоцзюнь заложил руки за спину и направился к выходу из поместья.

Раз Шао Цзисюн заперт, ему больше не нужно лазить через стены — можно выйти через главные ворота. К тому же, у него была еще одна важная цель.

Когда он дошел до переднего зала, Цзянь Чуцин обедал вместе с Шуй Чжуся и Цзянь Цзяньжэнем. Цзянь Цзяньжэнь что-то сказал, вызвав громкий смех отца, а Шуй Чжуся стыдливо опустила глаза. Эта картина выглядела до тошноты приторно.

Бесстыдники. Незаконные любовники и их бастард — как они смеют вести себя так, словно они настоящая семья, вытеснив его, законного сына? Впрочем, после смерти госпожи Жун в этом

доме для Цзянь Хуншу больше не было места.

Чем больше они его игнорировали, тем сильнее ему хотелось досадить им. Тун Даоцзюнь с усмешкой вошел в главный зал.

— Отец. — Он поклонился с безупречной вежливостью.

Появление Тун Даоцзюня заставило Цзянь Чуцина замолчать. Он лишь холодно глянул на сына и с грохотом ударил по столу, перепугав служанок, которые тут же повалились на колени.

— Негодник! Ты совсем забыл о приличиях? Неужели учителя в академии учили тебя так неуважительно относиться к старшим и брату?

— Неуважительно? Прошу прощения за глупость, но кто мой брат, и кто здесь старший? — с легкой улыбкой спросил Тун Даоцзюнь.

В его глазах Цзянь Чуцин был лишь бумажным тигром. Чтобы понять это, нужно было вспомнить его деда, предыдущего хоу.

Дед был великим полководцем, чье имя гремело по всему Даюй. Его техника копья семьи Цзянь не знала равных. Пока он был жив, он защищал северные границы от варваров. Цзянь Чуцин же вырос под крылом бабушки и, будучи сыном военного, не унаследовал истинного мастерства отца, овладев лишь внешней формой.

По какой-то случайности, когда дед погиб в последней битве, Цзянь Чуцин, будучи единственным наследником, получил титул. Бабушка, осознавая никчемность сына, женила его на госпоже Жун, дочери богатого купца. Она была умна и проницательна, и именно благодаря ее капиталу поместье процветало. Но когда она умерла, Цзянь Чуцин уже успел обзавестись тайной семьей.

— Мерзавец! Ты оскорбил Цзяньжэня, своего брата, и проявил неуважение к Третьему принцу! Ты до сих пор не раскаялся? Не думай, что раз ты наследник, то можешь делать что хочешь! Не боишься, что я доложу императору и лишу тебя права наследования? — Цзянь Чуцин снова ударил по столу.

Тун Даоцзюнь оставался невозмутимым.

— Отец, вы шутите? Вы не брали наложниц, у вас была одна жена, и у нее был один сын — я. Откуда взяться брату? А что касается Третьего принца, если он будет постоянно околачиваться в поместье, император может заподозрить неладное. И тогда пострадает не только моя репутация, но и ваш титул. И кстати, отец, в этом поместье наследник — я. Если вы лишите меня титула, кому вы его передадите? Двоюродным братьям из боковых ветвей? Но они не прямые наследники, это приведет к понижению ранга рода.

Цзянь Чуцин едва не захлебнулся от ярости, а лица Шуй Чжуся и Цзянь Цзяньжэня стали пепельно-серыми.

Доставив им неприятности, Тун Даоцзюнь почувствовал себя превосходно. Он небрежно поклонился, даже не согнув спину:

— Скоро весенние экзамены, мне нужно подать документы в канцелярию.

И, не оборачиваясь, неспешно вышел.

Цзянь Чуцин смотрел ему вслед с мрачным взглядом. Сколько времени он не видел сына? С момента похорон госпожи Жун... Этот робкий и трусливый мальчик — когда он успел так измениться?

Цзянь Цзяньжэнь смотрел на него с ненавистью, как ядовитая змея на добычу.

Весенние экзамены?

Хе, подать документы? Хорошо. Я сделаю все, чтобы ты даже не переступил порог экзаменационной палаты.

Выйдя из поместья, Тун Даоцзюнь направился в сторону канцелярии.

— Хозяин, отличные новости: как только вы ушли, Цзянь Цзяньжэнь и Шуй Чжуся вернулись в Западный сад и начали обсуждать, как помешать вам сдать экзамены.

— Хе, наконец-то они решили покончить с собой...

Помимо тех, кто сдавал гражданские экзамены, в канцелярию пришли и те, кто претендовал на военные должности.

Во многих династиях существовало пренебрежение к военным, но в Даюй все было иначе. Основатель династии, император Шао, сам был полководцем, который сверг коррумпированную власть прежней династии.

Император Шао был мудрым правителем. Его девиз гласил: «Военные защищают страну, гражданские — управляют ею». И по сей день военные экзамены, отмененные в прошлую эпоху, были восстановлены и почитались наравне с гражданскими.

<http://bllate.org/book/22141/2306786>